
Мы любили цифры в сыре,
пятилистники сирени,
дорогого не просили –
человек не этим ценен.
Загорали в междуречье,
в королевстве дикой ивы,
постигали русской речи
первые императивы.

Человек – он ценен детством,
выдержан в дубовой таре,
но куда от мира деться?
Одинаковыми стали,
как-то переопылились,
но, не зная интернета,
в перекрестьях полилиний
зарождаются планеты.

Звёздный дождь в моей теплице
светлым конусом струится,

в чумовой оранжерее,
где на ветках рифмы зреют.
Все желания исполнить –
семицветиков не хватит.
Речка детства сладко помнит
всё, что кстати и некстати...

Контрабасистка с рыжим контрабасом
и с огненным сияньем в волосах
мелькает – баттерфляем, кролем, брассом,
лучами, заплутавшими в лесах
непуганых, открывших не напрасно,
что выше прочих благ – уметь и сметь,
портал из зала – в мир широкий, праздный –
щипковый твой смычковый инструмент.

Пока я в круге, Вий меня не видит,
но всё же слышит и внушает страх,
что я не сохранюсь в бумажном виде,
а только электронка и астрал.
Не стоит путать автора с героем.
у автора геройского – на час.
Вот только ветер инструмент настроит –
твою тоску замаскирует джаз,
отполирует, растворит, отпустит,
опустошит, потом распотрошит.
Всё это вряд ли объяснит акустик,
но знают можжевельник и самшит.

Седьмой планетой Маленького принца
окажется твой страх, твой бред и быт.
Ведь я не дятел. Я другая птица.
Мне нравится летать, а не долбить.

Южное Рождество

Колесом от КАМАЗа луна
вызревала в начале проспекта.
Солнце всё ещё видно сполна,
но она не держала респекта,
белым ликом темнела в янтаре,
проявляя моря и каналы,
на которых проворный Китай
сеет хлопок, оставшись в анналах
и научных журналах. Не всё ж
о коммунах, колхозах, уйгурах...

Чудотворный рождественский дождь
сеял вольной аббревиатурой.
БКХ, ДНК, ХТК –
всё о главном, нельзя усомниться.
Кровь рябины сладка и горька,
расклюют синяки и синицы.

Грач спустился – довольный, как слон,
так спланировал – вольно, игриво.
Да луны золотое гало.
Не финита – абзац. Отлегло.
Отступаем от края обрыва.

Ростов туманный, мягкий, незнакомый,
фатин к лицу ему, хоть не по летам,
и органза. Свернув за угол дома,
не вовремя становишься поэтом –
проговорить бы мир на жёсткой прозе,
не приукрасить - вымолвить мой город,
не корчись, улица,

грубей и проще
скажу, углы срезая Пифагору.

Эклектик-город. Город-перекрёсток
Шелкового пути с Чумацким шляхом,
ты так усерден в том, чего не просят,
перешибашь ёрничаньем пафос.
Ломай меня, кроши своей огранкой,
не обойди, я там, внутри – сияю.
Ты убедил с душевной перебранкой -
не безопасна хата та, что с краю -
я в эти куклы больше не играю.

Галапагосы

Неси, пустая голова,
туда, где скалы-великаны
и черепахи-острова,
рождённые из недр вулкана,
где бирюзовая вода
размочит нити Ариадны,
гуляют славные стада
невиданных и ненаглядных,
где раздувает красный шар
самец-фрегат любви навстречу,
голуболапых олушат
кальмары учат делать свечку,
в приboях радуги игра –
захватит дух, подбросит кверху...
Да, это черепаший рай,
и в нём не место человеку,
но я недолго. Заживёт
на шее поцелуй медузы,
отпустит в безмятежье вод
та судорога (или муза) –

и справлюсь о пути назад
у желтопузой игуаны,
она и проведёт в закат
по красным отмелям песчаным.

Пора придумать кличку чемодану,
он, верный Бим, бежит со мной по полю,
по тротуарам, а на первозданной
траве за поводок тащу на волю.
Анри? Малыш? Дружок? А может, Ветер?
И - не одна, но рта не раскрываю.
Мой пёс послушно прыгает в трамваи,
потом – дорожки из тырсы, из карста....

...Здесь Лермонтов учился по-татарски,
спускался в бугроватый переулок,
попридержав коня. Дрожало утро,
Машук сиял...

Устану от прогулок,
начнётся тихих строк сокодвиженье,
опилки в голове дождутся искры,
и обрету права – не на вожденье -
на сыр адыгский, чистый понедельник,
на сетчатость воды озябшей быстрой,
на свет багряных листьев виноградных,
на долгий кофе, на мои тетради...